

Annotation

...Каково же было мое изумление, когда однажды, включив телевизор, я увидел на экране абсолютно неизвестных мне людей с гитарами, представленных титром: «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ». Конечно, я связался с Рекшаном и попросил объяснить, что происходит. Володя как-то неловко, вроде бы не договаривая, рассказал, что это команда из центра Владимира Киселева, Мол, Киселев решил использовать понравившееся ему название, согласовал с Рекшаном, но обещал, что команда будет называться «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ-II»...

-
- [Владимир Рекшан](#)
    - [Вступление рок-дилетанта](#)
-

Владимир Рекшан

Жизнь в искусстве

Вступление рок-дилетанта

Нет нужды представлять Владимира Рекшана любителям рок-н-ролла. Легендарная группа САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, созданная им еще в конце шестидесятых годов, была одной из первых отечественных команд, запевших по-русски. Сам Владимир Рекшан, повзрослев и став писателем, поведал о славном пути СПб в своей повести Кайф, опубликованной журналом Нева в мартовском номере 1988 года. Кстати, полный вариант этой книги, которая теперь так и называется — Полный кайф, — издан ограниченным тиражом за счет автора издательством Художественная литература.

Разумеется, я читал эту повесть, время от времени видел на фестивалях и СПб в нынешнем ветеранском варианте с теми же Николаем Корзининым и Никитой Зайцевым.

Каково же было мое изумление, когда однажды, включив телевизор, я увидел на экране абсолютно неизвестных мне людей с гитарами, представленных титром: «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ». Конечно, я связался с Рекшаном и попросил объяснить, что происходит. Володя как-то неловко, вроде бы не договаривая, рассказал, что это команда из центра Владимира Киселева, Мол, Киселев решил использовать понравившееся ему название, согласовал с Рекшаном, но обещал, что команда будет называться «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ-II».

Я осторожно заметал, что как-то неловко вступать на тропинку, протоптанную многочисленными ЛАСКОВЫМИ МАЯМИ. Рекшан согласился.

Я написал о новоявленных санкт-петербуржцах в Вечерку, ничего, конечно, этой филиппикой не изменив. «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ» перестроечного разлива продолжал надирать телезрительские сердца своим шлягером Русские.

Скандал заглох, так и не начавшись. Прошло время, и Рекшан принес мне почитать свою исповедь, где он рассказывает, как было все на самом деле. Эту исповедь я и предлагаю читателю. А в конце выпуска МЭ следует любопытное сообщение Андрея Бурлаки для всех, кто интересуется продолжением нашего конкурса магнитоальбомов.

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ моя была бедной и спокойной десять лет. Хотя и начали потихоньку печатать, но за это время я нахлебался литературного дерьма и все чаще стал оглядываться на рок-н-ролл, от которого сбежал в середине семидесятых в сторону, как мне казалось, более чистого искусства. Жизнь была бедной... Я снимал с женой квартиру в Ораниенбауме, топил какую-то аптеку и сочинял Кайф. Посочиняв Кайф и побросав уголька, я заходил за таким же сочинителем-кочегаром Николаем Шадруновым. Вот так мы гуляли по замороженному парку и решали мировые проблемы громкими голосами. Из сугроба вышел сержант и сказал:

— Это как это что же, ну?

А я ответил глупостью:

— Извольте! Мы честные налогоплательщики.

И поскольку это оказалось правдой, то и заплатили мы полновесный налог на поддержание местного правопорядка...

Так заканчивалась бедная и спокойная жизнь.

Я досочинял «Кайф» — зима прошла. Я отнес «Кайф» в журнал Нева, и в результате ряда чудесных превращений повесть попала скоро в руки Бориса Николаевича Никольского, который только что прибыл с пленума Союза писателей РСФСР. На пленуме каждый оратор отчего-то касался рок-н-ролла. Для одних — это уничтожение нравственного и национального, для других — рок-н-ролл будто бы подготовил Перестройку. Я не думал ни так, и ни этак. Я просто дрожал как осиновый лист, пока главный редактор ознакомился с рукописью.

Меня вызвали через месяц. Я пришел. Я сел в кресло возле огромного стола. Мне сказали:

— Будем печатать, но надо сократить.

— Без всяких сомнений, — заплакал я и пошел подписывать договор, пошел в кассу за авансом, полетел на такси в семью — по дороге таксист-гипнотизер заговорил зубы и украл деньги; но это были еще довольно бедные и спокойные месяцы 1987 года.

В мае родился сын.

В июне вдруг собрался Санкт-Петербург и вылез на сцену рок-фестиваля, но об этом уже написано.

Осенью я преобразовал семинар рок-поэзии в танцевально-вокальный

коллектив недорослей и начал сходить с ума. Ковалев и Корзинин приходили на семинар и поглядывали с доверительным испугом, как семинар поет и пляшет под мои двенадцать струн, которым поддает жару Андрюша Холерик. Мы решили полуакустическим составом Санкт-Петербурга катануть программу в Выборге — подальше от столичной сцены.

Хору мальчиков ехать не велено, поскольку в нанятом автобусе для них нет места. Они приезжают потом сами — обиженные, совсем пьяные, за двадцать минут до выхода. Мы как раз распеваемся в артистической. Они же где-то стекла вышибали, руки порезали, бродят в крови.

Концерт вот-вот, а недоросли лезут на сцену петь и плясать.

Я умоляю мужскую часть хора.

Лирическая песня — недоросли пугают девочек, твистуют на сцене, все увеличиваясь в количестве, — это к ним запрыгивают из первых рядов, поняв начавшееся, как призыв к действию, а я пою свою лирику и думаю: Когда это кончится? Старый ведь ты молодой писатель. На сцене, как в тупой дискотеке. Концерт заканчивается скоро тем, что недоросли рвут все провода и падают в зал вместе с мониторами.

После я гоню пенделями недорослей из-за кулис, мы с испуганными девочками грузимся в автобус — в итоге местные газеты публикуют заметку, где врут, будто ансамбль Санкт-Петербург был пьян и т. д.

Тем временем появляются гранки и выясняются отношения с цензурой: снимают названия наркотиков и слово «бля». С первый я согласен, со вторым — нет. У Артема Веселого есть, у других разных есть, а мне предлагают изменить на «мля».

Но все-таки лучший месяц моей жизни — март! Еще пахнет Кайф типографской краской, а я уж замер в ожидании неизвестно чего. Что-то ведь должно быть. Ведь классная, в основном, штука, первая, по крайней мере.

Писем было много и в основном за. Газет было меньше, но давать интервью до позора приятно. В начале июня на пару деньков от Юры Шевчука сбежал Никитка и мы бабахнули на Зимнем стадионе, где проходил VI фестиваль Рок-клуба, офигенный концерт: хор девочек пел и плясал, Корзинин — это Юпитер, я бегал в шортах по сцене, и ездил на Никитке, как Вакула на черте, и все было в кайф, а Русское видео сняло целый фильм о нашей группе и недавно «Советский экран» объявил, что фильм вышел, вышел, наверное, вон или еще куда — не знаю, не видел.

Какая разная осень в Санкт-Петербурге. Даже, когда живешь на Малой Мещанской с женой и дитяткой в девятиметровой коммунальной трущобе с

видом на помойку, даже тогда бывает осенью счастливо и спокойно — ведь ты, кажется, обрел баланс, отбил гривенник, пятак, копейку территории в стране, что зовется Независимостью, и в той новой стране слышен твой голос...

И вот осенью звонок, и на мое теперь независимое да-а:

— Нам надо встретиться. Это говорит Большой Человек Шоу-Бизнеса.

Я не сразу узнаю его, БЧШБ, но соглашаюсь. А после вспоминаю, что упомянул его два раза в Кайфе нелестно, но не называя по имени.

Я нахожу возле Казанского его дорогую красную тачку и открываю, дверцу.

— Добрый день, — говорю.

— Добрый день, — говорит.

Сажусь на переднее сиденье и запоминаю, что у БЧШБ ботинки бундесовые, глаза приветливые, а лицо бритое. — Володя, скажи: Санкт-Петербург — это название ты придумал?

— А как же! — восклицаю радостно, думая отупевшим от проснувшейся известности мозгами: Каково! Меня знают теперь и в мире Шоу-Бизнеса! — А как же! Это было в одна тысяча девятьсот шестьдесят девятом году!

— Ах, какие минули времена. — БЧШБ грустно кивает, а после: — Ты не будешь против, если появится группа «Санкт-Петербург-II», -говорит печально, но добавляет без сантиментов: — Хотя твоего согласия и не требуется.

— Почему же?!

— У нас в стране это юридически не закрепляется.

— Разве? — интересуюсь я и как-то никну, зная себя: полжизни прожил, почти не соприкасаясь с государством; да и где в этом государстве, еще только собирающемся стать правовым, искать права? — Но ведь об этом... читал — нет?... почти Евангелие... почти от Матфея, так сказать... — проговариваю все-таки.

— Конечно, читал — потому и вспомнил. Такое название пропадает.

— Да оно, собственно, и не пропадает. На последнем фестивале сыграли классно. Фильм снят.

— Кто вас и в Ленинграде помнит! А я раскручу. Рок-клуб — это любительская тусовка. А я — супер-группу по законам Шоу-Бизнеса, — говорит БЧШБ, а пока я молчу в неопределенном раздумье, продолжает: — Есть второе предложение... Организовывается Музыкальный Центр Имени Меня. Будешь моим литературным редактором? Хочешь быть моей правой рукой?

— А что это значит?

— Это значит редактирование текстов. Написание статей и буклетов. Что такое Рок-клуб? Детский лепет! А здесь ты станешь жить по законам Шоу-Бизнеса. А Шоу-Бизнес — это большие деньги! — сказал БЧШБ, а я ответил: Надо подумать.

И мы расстались, а после стали встречаться довольно часто, и я пытался при встречах гнуть свое, излагая проект:

— Зачем Музыкальный Центр Имени Тебя? Давай лучше назовем центр Петербургом. Будет периодически собираться старый СПб. Окажется естественным при нем существование «СПб-II». А то меня рокеры забодают. Основная деятельность, пусть, раскрутка и прокат новых групп, но... мысль!...можно провести Поэтический Семинар. Я знаю интересных молодых пиитов. Сведем их с музыкантами... И по другим направлениям... Благотворительность и — не знаю что еще, но все под патриотическим городским знаменем «Петербург»!

— Подумаем, подумаем, — отвечает БЧШБ. Мы встречаемся и думаем в разных местах.

Мы встречаемся и думаем в церкви, то есть в полуподвале бывшей церкви, преобразенной по законам Шоу-Бизнеса в независимую баню с бассейном, теликом и прочими аксессуарами, которые в кайф.

Согбенный слуга приносит пиво и растворяется в воздухе.

А я все рассуждаю.

БЧШБ мне говорит:

— Коротич, Евтушенко, Вознесенский. Кого хочешь выпишем. Станем и тебя раскручивать.

А я:

— Вот бы все это под рубрикой Петербург, тогда в кайф и «СПб-II», — говорю в ответ.

А вокруг пива двое из одной Газеты, один сразу с двух Студий — жуют рыбку и отдыхают.

Рыжий круглый здоровяк с двумя вениками выпархивает из парилки, уводит на полку БЧШБ, после выводит его размякшего и на кушетке ломает грамотным массажем, возвращая в жизнь.

— Что же вы, ребята, про Такого-Сякого уже вторую статью, а про Музыкальный Центр Имени Меня?

Ребята пожевывают, отдыхают, а через неделю в прессе появляется статья...

Но вот афиши на осенних стенах.

Разные группы объявлены на сцене крытого стадиона и «СПб-II»

среди них.

Великий Корзинин и Выдающийся Зайцев Никитка допрашивают:

— Это что такое? Это ты, что ли?

— Не-а, — легкая улыбка и легкое превосходство.

Но надо ведь и послушать «СПб-II» из Музыкального центра Петербург. За кулисами стадиона знакомлюсь с музыкантами и обнаруживаю среди них Виртуоза Серегу, с которым как-то отрок-н-роллили сезон и которого по-доброму упомянул в Кайфе.

— Твоя идея? — спрашиваю тоном правой руки БЧШБ.

— Ты ведь не против? — спрашивает Серега.

Ну— ну, -усмехаюсь и иду в зал, где уже полно юных дураков, пробившихся за родительские денежки наслаждаться поп-фонограммами совсем Ласкового мая.

Ага, — думаю. — «СПб-II» будет перед ними разминать публику. «СПб-II» выбегает на сцену и довольно скованно (волнуются!) изображает экстаз в полуметалле, а после врубает лирику, из которой запоминаю лишь повторяющиеся слова: Русские... Русские... Что ж, — надменное мнение, — вполне волосато-принаряженные молодцы, играют крепко. Однако, куда им до настоящего кайфа!

Так я думаю месяц, а через месяц «СПб-II» с Русскими крутят в До и после полуночи, а затем во Взгляде и где-то еще в Москве, а на меня насаждают рокеры, а Рок-Дилетант тоже нападает и все одно и тоже несправедливое:

— Как так? Продал идею, понимаешь ли, ленрока! Что-то надо делать!

А я:

— Так от центра Петербург, пусть «СПб-II», — оправдываюсь. А мне:

— Два уже нет в афише и центра Петербург нет, но есть Центр Имени Его, — выговаривают, да и жена, глядя из коммунальной кухни в окно, за которым началась гнилая зима, говорит:

— Пошли-ка ты их подальше.

Смотрю на жену, что глядит в окно, за которым гнилая зима, и отвечаю;

— А дитяtko? А ты? Пойдешь, что ли, работать в литейный цех?

А дитяtko вертится возле ног и весело так:

— Папа-мама-би-би. Папа-мама-би-би.

— Вот так, дорогая. Ничего я не продал. Если они хотят иметь модного сочинителя, то пусть платят.

— Ладно, — соглашается. — Пусть.

Кстати, с зарплатой разобрались элементарно: по бумаге получаю как

молодой инженер, а сверху без бумаги, чтоб выходило как у доцента.

Рок— Дилетант пытается защитить в вечерней газете:...Мне очень любопытно -как нынешние музыканты «Санкт-Петербурга» не сгорают от стыда, выступая под чужим именем? И дело вовсе не в популярности старой группы... Представим на минуту, что мы увидим на экране новую группу под названием «Битлз».

Но поезд, похоже, уже уехал, и приходится самозащищаться придуманными тезисами:

а) Если новый «СПб» станет группой выдающейся, то мне будет лестно, что их как-то связывают со мной.

б) Если новый «СПб» не станет группой выдающейся (а я так думаю), то мне будет лестно, что старый «СПб» еще фиг переплюнешь, и мы навеки прижились в истории отечественного рок-н-ролла.

Тем временем в Музыкальном Центре Имени Его я старательно занимаюсь всякой ерундой.

БЧШБ, бултыхаясь в бассейне после потения:

— У Петербурга аналог «Бон Джови», — говорит, а я вспоминаю: точно, видел клип, такие же кудри у солиста, даже стойка микрофонная и сам микрофон одной формы. — Возьмем другой аналог — «Статус Кво». У меня новый бэнд на раскрутку пойдет — Пассажиры. Сбацаешь им пару текстов по аналогам.

— Йес ит из, — отвечаю и забираю кассету с музыкой «Статус Кво», а завтра встречаюсь с Пассажирами. Ничего — молодые, крепкие, веселые мальчики.

Сижу, сочиняю, ломаю голову над «Статус Кво», чтобы угодить Шоу-Бизнесу. Думаете, просто нанизывать русскую фразу на короткую английскую? Трудно! Главное — точно сработать в припеве.

Нам надо быть сильнее! Надо быть сильнее! Надо быть! Надо быть сильнее! — припеваю я в сотый раз и Статус-Пассажиры готовы к запуску. И запускаются, мелькают в сборных программах, молодые, крепкие, веселые мальчики.

БЧШБ говорит мне опять в бане (за полгода Шоу-Бизнеса я попарился от души);

— Есть штатовский аналог «Черное и белое». И есть наш мулат. Держи кассету. Надо сбацать парочку текстов.

— Йес ит из, — отвечаю и забираю кассету со штатовской музыкой, а завтра встречаюсь с парнями. Классный дуэт собирается, думаю, классные парни.

Ломаю голову. В запеве заканчивается ин зи вайт — значит, по-русски

переводим называй, С трудом, но сбиваю в незатейливый смысл. Но припев — это рэп, это много слов, это значит чертово количество слов на тему черное и белое. Вызываю на подмогу поэта Геху Григорьева. А что — профи! Геха бегаёт по литературному буфету со стаканом кефира и пытается работать в стиле штатовский рэп, но здесь специфика жанра и в итоге все-таки получается у меня, и даже, что ж, не без, так сказать, полета, не без фантазии, а некоторые строчки я так просто люблю и даже помню наизусть.

Например: *Белеет одинокий парус в Черного моря мгле.*

Или: *Черные очи страстные очень в белом лице вдвойне.*

Или еще лучше: *В черном смокинге и белых ботинках блондинку любит брюнет.*

Вот и вовсе классика: *В черной комнате в черном гробу лежит в белых тапочках враг!*

Душу, однако, точит. Есть, значит, душа. Жалко юности и друзей, прошедших сквозь юность, как сквозь строй.

Теперь и Володя Ермолин, классный певец, гитарист, композитор, куплен БЧШБ. Мы сидим у него на кухне, и он просит:

— БЧШБ хочет мой бэнд назвать Эверестом, а я хочу назвать Крейсером. Попроси Его.

— Попрошу. Сыграй еще музыку, проработаем с текстом.

Мы работаем над песней Бок о бок. Текст уже есть, но запев слабоват, и я вдруг понимаю, что можно много понасочинять, имея за спиной годы и годы практики, однако, рок — это все же дело авторское, стороннее же подключение редко когда бывает талантливо. Все-таки Ермолин, автор въедливый, принимает новую версию, начинающуюся так: Дождались! Апокалипсис грядет на нас беспечных. Над миром СПИДа мрак навис — Им начат смерти перечень. Бредет в предчувствии Христа Печальная процессия. До шуток ли теперь, когда Ты пойман в перекрестие... — и скоро уже во Взгляде вижу клип с Ермолиным в этой песне.

— Утопить меня невозможно, — говорит БЧШБ, плавая в бассейне. — Да и помочь сложно.

Тем временем «Лже-Петербург» карабкается в столичных топах, и вот приятель привозит Московский комсомолец (10.02.89), протягивает, смотрит с укором, а там:...Группой, безусловно, верховодит очень опытный менеджер... Песня Русские уверенно взлетела на первое место... Лирическая хард-роковая баллада почти всегда достигает сердец слушателей... Вы уже, естественно, догадались, что речь идет о группе Санкт-Петербург во главе с ветераном питерского рока Владимиром

Рекшаном. Кстати, теперь ансамбль называется без приставки в виде цифры 2... Двойка была необходима, чтобы показать отличие нынешнего коллектива от некогда популярного в Ленинграде в конце 70-х годов самостоятельного ансамбля одноименного названия...

Ясненько! Я теперь и опытный менеджер и стою во главе! Юность же наша похоронена, и называть отличие не имеет смысла.

Ах, прав был Рок-Дилетант и наивен я!

Интересно, а как попадают в Утреннюю почту, во Взгляд топы? Обиженная мысль воплощается в предложение: Любят, видимо, и в Москве любят попариться.

Новость неожиданная: Серега Виртуоз поцапался с БЧШБ и ушел из «Лже-Петербурга». Значит, лопнула последняя ниточка — остальных я и как звать-то, не помню. А жена опять за старое:

— Пошли-ка ты их подальше! И я теперь соглашаюсь:

— Пошлю.

Но прибалтийская прямолинейная обязательность заставляет еще до весеннего солнца отрабатывать оклад доцента.

По договоренности бреду в Серьезную газету и по договоренности же задаю под видом читателя себе вопрос: Правда ли, что «Санкт-Петербург-II» (вставил-таки двойку) едет на фестиваль в Сан-Ремо? — сам и отвечаю, что, мол, не ясно, не точно, но есть шанс и о дальнейшем сообщим. Такая, вшивая реклама, а на душе — кака!

Рассуждаем с БЧШБ о Рок-клубе, и я говорю:

— У тебя репутация хреновая.

А БЧШБ взрывается, нервничает:

— Что Рок-клуб! Я любого куплю! Когда рокер будет знать, что за концерт гарантирован тридцак, когда его жена будет знать и детки, вот тогда я посмотрю, как они запоют за рок-идею. Они запоют за деньги! Они у меня будут — вот где!

...Ладно, сворачиваю деятельность и пишу, будто подвожу итоги, рекламные странички на группы для иностранного пользования.

...Тяжелая, городская рок-баллада, исполняемая пятеркой музыкантов. Барочная изощренность композиций и имиджа, расчетливая строгость аранжировки, радостный тенор солиста, естественность сценического равновесия — все это говорит о больших возможностях «Санкт-Петербурга»...

...Своим роком Эверест обращается не к отдельной личности, а к Человечеству, Вселенной, Богу. Можно сказать, что Ермолин пишет музыку и слова в стиле православный хард... Лучшие песни Эвереста звучат как

голос Пророка, как предупреждение о грядущих катаклизмах...

Эти энергичные парни крепко стоят на земле, знают, чего хотят, и знают, как достичь цели... Нам надо быть сильнее! — повторяли музыканты из Пассажиров, и удача улыбнулась им... Конечно же — они играют рок-н-ролл!... Эти музыканты из той породы людей, которые, когда не знают, что ответить — да или нет, отвечают да...

— Что вы любите больше всего?

— Да! — отвечают Пассажиры. — Мы любим Перестройку, Гласность и английскую группу «Статус Кво».

У БЧШБ появились еще две группы, но проспекты надо было сдавать срочно, а музыки их я не слышал и поэтому сочинил странички такого красивого вранья, что вторые экземпляры просто изорвал в клочья, дабы не видеть и забыть. Но БЧШБ понравилось, и я еще раз получил оклад доцента.

А после все укатили на гастроли с каким-то совсем Ласковым маем, и мне оказалось легко уйти по-английски.

А в апреле я встретил Серегу Виртуоза. Теплый вечер, много бесцельно гуляющих, и хочется жить всегда.

— Да он знаешь какой! Да они же знаешь какие! Да это я Русских сочинил, а пишут, будто вместе! Да я бы знаешь, что сделал!

— Зачем же ты нанялся? Ты ведь знал — кто Санкт-Петербург. Мы же вместе играли.

Серега роняет голову.

— Так получилось. Семья, знаешь ли. Да, — думаю я, — семья.

— А хочешь знать? — Серега начинает с прежним напором. — Знаешь, откуда взялся «СПб-II»? Он же вычитал в Кайфе что-то про себя и, когда мы только начинали, сказал, что накажет Рекшана. Возьмет название и заставит на себя работать. Знаешь об этом? А мне теперь кранты! Он, гад, режет все концы моей новой группе. У него все схвачено — во как! Работаю теперь в кабаке, да и оттуда, боюсь — тью-тью!...

Мы стоим молча и думаем о своем. Действительно, я мельком упомянул без имен одну позорную историю, которую узнал давно и случайно от бас-гитариста когда-то знаменитых «Червоных гитар». Вот, значит, и возмездие Шоу-Бизнеса, черная, брюхатая туча которого прошла надо мной, подавив слегка то, что было святым в жизни, почти не заметив.

Что ж — правы Распутин и Белов, когда ненавидят рок, поскольку ненавидят они не рок, а суррогат рока. Где бы это им узнать и полюбить классику рока? Но суррогат есть и в литературе, да и везде его хватает под завязку.

Хватит, однако, говорить о том, что не стоит столько слов, Все равно, рок — это великая музыка и вместе с ней мы прошли сложную, но счастливую юность.